

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РУССКОМ ВОЗЗРЕНИИ

Русское воззрение! Мы уже говорили, что это выражение, сказанное «Русскою беседою», выражение мысли столь простой и истинной, возбудило недоразумения и толки; они продолжаются и теперь. Вследствие этих недоразумений и толков «Русская беседа» пыталась объяснить своим противникам это выражение и эту мысль; но, несмотря на ее старания, мысль остается как будто непонятною, и само выраже-

ние не перестает казаться непонятным. «Русский вестник» * в своих заметках отзываясь о «Русской беседе», поднимает тот же вопрос о русском или, лучше, вообще о народном воззрении, придает этому вопросу важность, какую он точно имеет и хотя и соглашается со статьею одного из сотрудников «Русской беседы», но статью другого отвергает, — между тем как обе статьи между собою совершенно согласны. В то же время, выражая свое мнение о значении народности в деле всечеловеческом, «Русский вестник» противоречит статье, с которой соглашается, и, быть может, противоречит себе самому. «Русский вестник» называет, между прочим, народность *сосудом* и *местом*, чем весьма умаляет ее значение: сосуд не участвует в том содержании, которым его наполняют; в него можно влить что угодно; он равнодушен к тому, что в нем находится. Место точно так же не участвует деятельно в том, что на нем выстроено; оно равнодушно к тому, что на нем становится зиждущая рука. Эти выражения, освещая мнение «Русского вестника», показывают, что оно совершенно не согласно с мнением «Русской беседы», выраженным в двух упомянутых статьях. Неужели, на основании слов «Русского вестника», можно применить к народности одну русскую пословицу и сказать так: *народность, что мешок***: что положишь, то не-сет?

В 12 кн. «Р<усски>й в<естник>», разбирая статью Ю. Ф. Самарина², пространнее говорит о народности, высказывает по этому поводу странные или ошибочные мысли и, кажется, ложно понимает мысль своих противников. Какая-то темнота и неопределенность заметны в словах его. Видно, что вопрос о народности далеко не представляется у нас в той ясности, которая, кажется, должна бы быть его принадлежностью, ибо вопрос этот так прост.

Да, мы не думали, чтобы пришлось доказывать законность и необходимость русского воззрения или вообще воззрения народного. Но, видно, еще не пришло время, когда это будет ясно само собою. Самое непонимание даже мысли о необходимости русского воззрения есть доказательство, что мы еще не так близки к самобытной эпохе и что наше подражательное направление еще не прошло. Скажем кстати, что этот спор о народном воззрении был бы непонятен ни для францу-

* Статья наша не есть антикритика; ибо не таково на сей раз наше намерение. Но с «Русским вестником» (мы говорим о заметках) можно вести серьезный и приличный спор и беседу. Позволим себе маленькую нескромность: по благородному тону «заметок», по желанию представить вопрос в настоящем свете, по достоинству изложения и серьезности взгляда мы узнали главного редактора «Русского вестника» и бывшего редактора «М<осковских> ведомостей», знакомого всей России их прекрасным изданием¹. — К. А.

** То есть: то же, что мешок.

за, ни для немца, ни для англичанина (для англичанина всего менее). У этих народов народность действует постоянно, чувство ее живо, мысль вытекает прямо из нее и стремится к общечеловеческому. Народность их лишь только возвышается и светлеет на общечеловеческом деле (как сказали мы в № 1 «Русской» беседы); странно было бы доказывать этим народам необходимость их народного воззрения, когда оно у них есть и неотъемлемо слито со всею их жизнью, со всеми их подвигами. Именно они-то, народы западные и западная мысль, никогда не стали бы отказывать русскому народу в праве на самостоятельное воззрение. Мир славянский настолько для них и важен, насколько он самобытен и своеобразен. Но у нас другое дело: у нас этот вопрос не странен или, лучше, кажется странным для иных с противоположной совершенно стороны. Англичанин, француз, немец отвечали бы: да как же может быть общечеловеческое без народного в то же время воззрения? А у нас говорят: да как же при народном воззрении может быть общечеловеческое?

Но, быть может, спор заключается в словах. Хорошо бы, если бы так! Но нет. Это не в словах спор. Постараемся еще раз высказать со всею возможною ясностью наши мысли о народном воззрении.

Прибегнем к сравнению. Сравнение не доказательство, скажут нам. Положим так, но сравнение есть объяснение вопроса, а это едва ли не всего нужнее. Главною причиною споров, по большей части, служит то, что вопрос не объяснен. Итак, постараемся объяснить вопрос; тогда, может быть, и доказательств не нужно будет. Впрочем, сравнение, к которому мы намерены прибегнуть, почти и не сравнение, а совершенно однородное дело.

Случается нередко, что человек (очень умный даже) находится под влиянием другого, который для него то же, что безусловный наставник или непогрешимый учитель. Так человек на все смотрит глазами своего учителя, повторяет его мысли, даже выражения, повторяет с толком, объясняет их хорошо, но постоянно живет чужим умом. Такой человек не имеет самостоятельного взгляда на вещи, не имеет своего мнения: а между тем поприще знания и понимания так бесконечно, как бесчисленны стороны неисчерпаемой истины! Было бы и ему над чем потрудиться, принести и от себя что-нибудь в общую сокровищницу человечества, была бы и для него своя доля работы, сообразная с его талантами, с его личностью. Учитель его беспрестанно приходит к новым мыслям, беспрестанно делает открытия, а он, вечный покорный ученик, принимает их, повторяет... и довольствуется этою служебною деятельностью. При виде такого человека очень естественно возникает совет, который дают ему одни: «Перестань

повторять только чужие мысли, взгляни на вещи *сам*, имей *свое* мнение, мнение *самостоятельное*. Ты удивляешься своему учителю; но учитель твой потому и открывает новые идеи, что самостоятелен. Будь же самостоятелен и ты; тогда и ты что-нибудь сделаешь на пользу общую». Совет, кажется, очень законный, не правда ли? Совет, который дадим мы всякому человеку. Но гораздо легче принимать и повторять, хотя и с толком, чужие мысли, чем думать самому; гораздо удобнее роль смиренного последователя и ученика, безусловно восхищающегося учителем, чем роль самобытного деятеля, все подвергающего собственной критике; гораздо приятнее призраку умственной деятельности, не нами совершаемой, но нами отражаемой в себе; гораздо меньше труда быть несамостоятельным и гордо светиться чужим, заемным, дешево добытым блеском... И вдруг раздается противоположный совет: разве может быть *свое* мнение, *свое* воззрение? Воззрение должно быть общечеловеческое. «Должно иметь воззрение не *свое*, а общечеловеческое». Громкая фраза, но ложная в самом построении своем. Общечеловеческое само по себе не существует; оно существует в личном разумении отдельного человека. Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть собою, надо *иметь свое мнение*, надо мыслить *самому*. Но что же поймет тот, кто своего мнения не имеет, а живет чужими мнениями? Что же сделает, что же придумает он *сам*? Ничего: за него думают другие; а он живет под умственным авторитетом других и *сам* ничего не может сделать для общего дела. Только самостоятельные умы служат великому делу человеческой мысли. Скажите, спрашиваю я наконец: хорошо ли, если человек *не имеет своего мнения*? Надеюсь, что мне ответят: нет. Ведь только Молчалины говорят:

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь¹.

Смейте, скажем мы, вопреки Молчалину, смейте иметь свое суждение всегда, несмотря ни на какой возраст, ни на какой авторитет. Как скоро уже только вопрос возбуждился о суждении, то на это отвечаем мы, что оно должно быть, и право на него всякий имеет.

В этом весь вопрос. Народ не менее отдельного человека имеет право быть собою и иметь свою деятельность. Деятельность народа, как деятельность человека, должна быть *самостоятельна*. Законное ли это требование? Должен ли народ быть самостоятельным и иметь, как каждый человек, свое мнение в деле науки и жизни или свое воззрение? Неужели это не ясно? Думаем, что с нами согласятся, по крайней мере многие.

Итак, под русским воззрением разумеется *самостоятельное*

воззрение русского народа. Мы спрашиваем наших противников: отвергают ли они нужду и необходимость самостоятельного воззрения в русском народе?

Уяснивши по возможности самый вопрос, мы должны прибавить еще несколько слов для дополнительного объяснения.

Спросят: но как же может возникнуть свое или народное мнение? На это мы отвечаем, как уже и сказал Ю. Ф. Самарин в 1 № «Беседы», что народного мнения сочинять, составлять или выдумывать нечего и нельзя. Только освободитесь из-под чуждого умственного авторитета, только станьте самостоятельными, и вы без всякого труда и хлопот взглянете на вещи сами. Только перестаньте глядеть чужими глазами, и вы уже невольно в ту же минуту посмотрите своими глазами. Вовсе не нужно, чтоб вы все отвергали и всему противоречили, что было сделано до вас; этого быть не может, ибо тогда не было бы между народами единства человеческой жизни. Было бы крайне ложно, если б вы себе заранее задали такую задачу и искусственно усиливались бы ее исполнить. Это показало бы напротив, что вы не самостоятельны, не свободны, хотя тут ваша несамостоятельность и несвобода являются отрицательно. Страх противоречить авторитету, страх согласиться с авторитетом — равно ложен, ибо все это — *страх*. Напротив, взглянувши сами, вы, вероятно, в иных предметах, в отдельных вопросах науки *самостоятельно* согласитесь с мнением других. Когда вы согласитесь с другими *самостоятельно*, вы не подчиняетесь им и не перестаете быть самостоятельными.

Странно было бы, если б народ говорил: я хочу смотреть по-народному! Давай мне народное воззрение! Он сам — народ; народность — в нем; ему искать ее нечего; нужно только, чтоб он от нее не отказывался; тогда воззрение народное при нем, подобно как при человеке — его глаза, лишь бы он их не завешивал. Народ, в своем нормальном состоянии, не хлопочет о народности, он хлопочет об истине; он говорит: я хочу смотреть справедливо вообще, следовательно, общечеловечески, я хочу безусловно истинного воззрения; но народность, которая есть его самостоятельность, присутствует тут же непременно; без самостоятельности истина не дается уму и истинное воззрение народа есть в то же время воззрение народное. В тех же случаях, где народу истина не дается, раскрывает он самого себя с своей исключительной стороны и делает опять великую услугу общечеловеческому делу, ибо он и в своей исключительности является двигателем человеческого хода; тут объясняет он себя, как одного из всемирных деятелей истории. Для вящего уяснения того, что истина может быть народна в то же время, скажем: истина в проявле-

шин своем многостороння; народ постигает или открывает известную сторону истины, приходящуюся на его долю, доступную его народной личности, его народности. Сравнение с отдельным лицом здесь вполне у места. Возьмем какой-нибудь предмет постижения, например «Илиаду» Гомера. Один, согласно с своей философской природой, определит ее теоретически; другой, филолог, определит ее с филологической стороны, третий с этнографической, четвертый с исторической. Каждый из этих вопросов допускает множество толкований, споров, ошибок, из которых результат — все же истина; кроме того, каждый из вопросов имеет множество сторон истинных, которые могут быть определены, каждая особым лицом, согласно с нравственной или умственной природою и личностью каждого. То же самое видим и в деятельности народов: каждый имеет свою долю самостоятельной народной деятельности, постигает истину с известной стороны или являет ее в себе, в силу и только в силу своей народности и самостоятельности, без которой он немощен и бесцветен; истина, постигнутая народом с известной ему свойственной стороны, делается общим достоянием человечества.

Итак, у народа может быть только: или воззрение народное (самостоятельное, свое), — или никакого (ибо чужое воззрение не ему принадлежит).

Мы сказали выше, что народ в своем нормальном состоянии не хлопочет о народности. Справедливо. Странно было бы и говорить ему о народном воззрении или о необходимости народности. Но мы, русские, не в таком положении. Уже полтора десятилетия лет мы состоим под безусловным авторитетом Западной Европы. Конечно, уже много времени прошло с той поры, когда это произошло; конечно, в настоящее время ослабели эти постыдные нравственные узы; но крепко еще они нас опутывают. Мода царствует у нас, ибо полное покорствование без вопросов и критики явлениям, вне нас возникающим, есть мода. Мода в одежде, в языке, в литературе, в науке, в самых негодованиях, в наших восторгах. Многим весьма по сердцу такая деятельность. Глядя на нашу образованность, невольно припоминаешь то, что Гоголь говорит в своем «Разъезде»⁴ об одном господине: *«У него есть ум, но сейчас по выходе книжки журнала; а запоздала выходом книжка — и в голове ничего»*. Слова эти, разумеется, в широком смысле, идут как раз к нашей просвещенной деятельности в отношении к Западной Европе. Отношение то же самое, но здесь нет недостатка в образцах, с одной стороны, а с другой — нет, может быть, такой яркости и откровенности в снабжении себя чужими мыслями. Нам *надобно* напомнить о народности: нам *надобно* дохнуть ее крепким, здоровым воздухом, *надобно* исцелить в себе крайнюю расслабленность и избалован-

ность духа, привыкшего ходить на помочах, надобно стать в самобытное положение всякого нормального народа, и именно даже тех, кому мы подражаем...

Многие спрашивают еще: но где же оно, наше народное воззрение? Покажите его! Какое же оно будет? Но для этого надобно сперва освободиться от чужого умственного авторитета, от чужих глаз. Ни к чему и никогда не надобно относиться рабски. Рабское чувство, как бы ни было гениально и высоко лицо или предмет, к которому оно направлено, даже если б это был народ, — непременно унижает человека и помрачает его умственное и нравственное понимание. Итак, нам надобно освободить сперва нашу мысль из плена, в который отдались мы Западной Европе. Надобно сперва решиться, вопреки Молчалину,

сметь
Свое суждение иметь.

А в том-то и весь вопрос; в необходимости этого-то и нужно убедиться.

Одно убеждение в необходимости самостоятельного народного взгляда, одно возникшее сознание нравственной и умственной независимости, как скоро оно проникнет нас, — тем самым уже освободит и воздвигнет наше самостоятельное народное русское воззрение, и тогда только начнется самобытный, наш общечеловеческий подвиг, подвиг, невозможный без силы народности.

А в чем состоит наше народное воззрение, — это уже другой вопрос, и вопрос преждевременный. Надобно сперва, чтоб оно возникло, — и тогда будет ясно, в чем оно состоит.

Для большей очевидности изложим мнение наше в виде положений (тезисов) в ответ на поднятые вопросы.

I. Что такое народное воззрение?

Народное воззрение есть *самостоятельное* воззрение народа, при котором только и возможно постижение общей всечеловеческой истины. Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого (следовательно, бесплоден и бесполезен).

II. В чем выразится и какое будет русское народное воззрение?

Это вопрос другой, о котором здесь нет еще речи. Ответом на то могут служить самые дела или факты: *то* *есть* труды, подвиги, мысли и издания умственные и жизненные народа. Но как скоро будет наконец самостоятельное русское воззрение, то оно и выразится. Впрочем, предварительно можно сказать, что во всех тех сферах и обнаружениях, где является сам русский народ, — это воззрение

может, хотя отчасти, быть указано (напр<имер>, общественный быт народа, язык, обычаи, песни). Но и к нему вы должны относиться свободно; воззрение народное тогда только ваше самостоятельное воззрение, когда вы его свободно или разумно (что все одно) примете.

III. Каким образом может возникнуть народное воззрение?

Через освобождение себя от чужого умственного авторитета, через убеждение в необходимости и праве своей самостоятельности. Как скоро вы (обращаемся ко всем т<ак> н<азываемым> образованным людям, принадлежащим к русскому народу) откинете воззрение заемное, то возникает свое, если вы не лишены возможности иметь его, — чего допустить было бы невозможно. Как скоро вы поглядите *сами*, то и увидите *сами*, если вы не лишены зрения, чего опять нельзя допустить.

IV. Великим вспоможением к освобождению от умственного плена, от подражательности и к очищению нашего самостоятельного воззрения, — служит древняя русская история, до известной подражательной эпохи, и современный быт народа, так называемого простого народа.

Скажем в заключение: мы вовсе не думаем, чтоб народное воззрение дичилось и отворачивалось от чужого. Напротив, совершенно напротив! Народность или самостоятельность не в предмете содержания, а в самом содержании. Нет! Народность смотрит на весь мир. Все предлагайте разумению, ничего не отвергайте без критики, не бойтесь знания, *вся испытайте*, как говорит Апостол⁵.

Вот наше мнение. Просим судить о нем не по отдельной всякой фразе, а по целому изложению всего мнения.

Мне кажется, что далее вести этот спор было бы уже едва ли не бесплодно и не утомительно. Я здесь его прекращаю. Мы можем встретиться с противоположным нам образом мыслей в областях знания, более определенных; в истории, в этнологии, в эстетике и пр.